

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

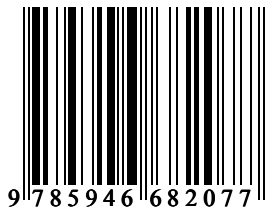
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

II. ОБЗОРЫ

А. Г. ВОЛХОВСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА В 1840–1880-е ГОДЫ В ИСПАНИИ

Историю испаноязычного Пушкина принято отсчитывать с 1847 г., когда в Валенсии в журнале «El Fenix» вышел перевод повести «Метель» («El turbión de nieve»). В последующие 30 лет именно эта повесть оказалась самым издаваемым в Испании произведением Пушкина.¹ Перевод был сделан с французского языка и опубликован анонимно.² По этому переводу очень сложно судить об образно-стилистических достоинствах текста русского писателя. Но, по всей видимости, привлекательным для испаноязычного читателя оказались сами романтико-сентименталистские составляющие сюжета, «оголенный» фабульный костяк повести — мотивы любви, судьбы, стихии, долга, смерти. Важную роль, пожалуй, мог сыграть и ореол нордического экзотизма, сопутствующий «Метели».

Следует иметь в виду, что 1840-е гг. для Испании — это время интенсивного развития романтизма, продолжающегося впитывания

¹ Повесть выходила в различных периодических изданиях, а именно: La Revista Hispanoamericana. Madrid, 1848; El Museo Universal. Madrid, 1863; La Revista de Santiago. Chile, 1850 (см.: Schanzer G. O. Las primeras traducciones de literatura rusa en España y en America // Actas del Tercer congreso de hispanistas. México, 1970. URL: http://cvc.cervantes.es/literatura/aih/pdf/03/aih_03_1_089.pdf, P. 816–817; Monforte R. Las ediciones periodicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX // Traducción y cultura. Berlin; Bern; Bruxelles, 2010. P. 309).

² Schanzer G. O. Las primeras traducciones de literatura rusa en España y en America. P. 816.

опыта романтической литературы Англии, Франции и Германии. Испанские романтики зачастую оказывались под влиянием самых различных иноязычных тенденций, при этом они чаще всего открыто указывали на источник заимствования. Однако опора на инокультурный опыт особым образом соотносится с яркой национальной окрашенностью испанского романтизма, напряженным новым открытием и переживанием традиции, постоянным переосмыслением народных сюжетов. Еще одна характерная черта — специфический историзм, ориентированный на заимствования из средневековых хроник, но подразумевавший достаточно свободную интерпретацию исторических событий. При этом испанских романтиков вдохновляют и идеалы Просвещения, в особенности ценными остаются идеи необходимости разумной организации общества и личной жертвы в пользу всеобщего блага.³

Именно в этом контексте А. С. Пушкин становится самым переводимым русским автором и остается таковым вплоть до 1870-х гг. В 1854 г. в журнале «*La Ilustración. Periódico Universal*» публикуется перевод «Выстрела», в 1855 г. в журнале «*El correo de Ultramar*» вышел перевод «Капитанской дочки»,⁴ в 1865 г. в журнале «*El Diario de Barcelona*» были опубликованы драматические произведения Пушкина — «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Русалка».⁵ Заметим сразу, что все эти переводы существуют вне документально зафиксированного рецептивного контекста: несмотря на повторные появления в печати, не обнаружено ни одного свидетельства о читаемости текстов Пушкина, ни одного читатель-

³ Подробнее см.: *Тертерян И. А.* Испанский романтизм: Общая характеристика // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 229–233. Примечательно, что в процессах становления русского романтизма современные испанские исследователи видят схожую картину. Акцентируется внимание на интенсивных внешних влияниях, в особенности французских, концентрации на национальной исторической и народной традициях. «Русский романтизм, — отмечала А. Кардона Суансес, директор Национального музея эпохи романтизма в Мадриде, — результат различных влияний: отчетливо выделяющегося французского, не менее важного итальянского и немецкого. Несмотря на очевидное чужеземное влияние, примеры которого представлены на выставке, русский народ и культура представляют собой могущественную силу, которая становится главной. Это новое видение мира, основанное на свободе и максимальном пробуждении личности, героя, несомненно, уходит своими корнями и в прошлое народа с присущим ему патриотизмом» (*Кардона Суансес А.* Плененные светом: Русская живопись первой половины XIX века // *El romanticismo ruso de la época de Pushkin.* Madrid, 2011. P. 169).

⁴ См.: *Monforte R.* Las ediciones periódicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX. P. 309.

⁵ См.: *Ibid.* P. 309–310.

ского или критического отклика на «Метель» и другие тексты, публикуемые в испаноязычных периодических изданиях.

Но с другой стороны, известно, что среди первых испанских читателей Пушкина, оставивших отзыв, был Хуан Валера,⁶ автор известных и ставших весьма популярными в Испании «Писем из России». Об этих письмах, изначально предназначенных для печати, сохранились свидетельства матери и сестры автора, отмечавших, что их «перепечатывают все газеты, вплоть до рекламной».⁷ В одном из писем (от 5 февраля 1857 г.) Валера поделился своим мнением о русской литературе и о Пушкине: «Об остальных русских писателях, древних и современных, и о песнях и народных балладах, которые созданы здесь и соответствуют нашим романсам, я буду говорить, когда выучу язык, со знанием дела. А сейчас я могу с уверенностью говорить только о Пушкине и о Лермонтове. Боденштедт так хорошо перевел их стихами на немецкий, что читаешь их как по-русски».⁸ Примечательно, что Валера читает русские тексты отнюдь не на испанском языке: на начальном этапе распространение известности Пушкина в Испании в принципе не зависит напрямую от переводов его произведений на испанский язык.

Что же касается основного источника сведений о Пушкине в Испании, то сначала это были периодические издания. Причем журналы и газеты стали каналом трансляции как текстов Пушкина, так и критических мнений о нем. Переводные обзоры русской литературы появлялись в испанской прессе с 1840-х гг., однако оригинальные критические отзывы, написанные испанскими авторами, возникают только в 1870-е гг. Среди текстов, посвященных русской литературе, где основное внимание уделяется фигуре Пушки-

⁶ Хуан Валера-и-Алькала-Гальяно (Valera y Alcalá-Galiano; 1824–1905) — испанский дипломат и писатель, автор романов «Пепита Хименес» (1874), «Иллюзии доктора Фаустино» (1875) и др. После возобновления дипломатических отношений между Россией и Испанией в 1856 г. служил секретарем Чрезвычайного посольства в Санкт-Петербурге.

⁷ См.: Багно В. Е. Россия и Испания: Общая граница / РАН. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). СПб., 2006. С. 320.

⁸ Валера Х. Письма из России. СПб., 2001. С. 154. Фридрих Боденштедт (Bodenstedt; 1819–1892) — немецкий писатель, переводчик и поэт. С 1840 по 1846 г. жил в России, изучал русский язык и славянскую литературу. На момент написания указанного письма вышло три тома произведений Пушкина в переводе Боденштедта: *Puschkin A. S. Dramatische Werke* / Deutsch von F. Bodenstedt. Berlin, 1855; *Puschkin A. S. Eugen Onägin: Roman in Versen [1854]* / Deutsch von F. Bodenstedt. Berlin, 1854; *Puschkin A. S. Gedichte* / Deutsch von F. Bodenstedt. Berlin, 1854. Можно предположить, что в письме речь идет о каком-то из этих изданий.

на, особый интерес представляет статья Эмилио Кастелара⁹ «Русский романтизм» («El romanticismo ruso»), опубликованная в газете «La ilustración española y americana». Здесь Кастелар дает подробное описание жизни и творчества Пушкина. Отчетливо выделяя его роль в развитии русской литературы, Кастелар окружает биографию и тексты Пушкина сугубо романтическим ореолом. Благодаря авторитету и влиянию Кастелара именно этот образ Пушкина впоследствии дополнялся новыми интерпретациями, а имя Пушкина становится в один ряд с именами крупнейших европейских авторов-романтиков. «Человек, олицетворяющий собой истинную литературную революцию в России, это Пушкин, — писал Кастелар. — Романтизм, который во Франции и Испании представлял собой освобождение, в Германии из-за национального контраста, на основе которого формируется интрига истории, стал отступлением. <...> В России романтизм носил характер, сходный с испанским и французским; в России существовал протест против “германизованного” двора и красноречивейшее обращение к духу времени и призыв к наступлению народной свободы. Пушкин был романтиком. На заре своего романтизма он не воспевал природу, как это делали поэты-классицисты, Делиль во Франции или Мелендес в Испании; он не пел, как хотели бы того тираны, о лиственных лесах и березах; о степях, необъятных как океаны; о девственных снегах, посеребренных светом полной луны; о волнах Балтийского моря, беспокоящих его гладь в долгие летние дни и закованных в ледяные цепи в бесконечные зимние ночи; о полярных горизонтах, залитых розовыми красками рассвета, заполнившего своим сиянием бесконечность пустынь и кристальных гор; он не пел о природе, которая, в своих жестах, своем сиянии и красоте, будучи бесстрашной свидетельницей стольких преступлений, в безжалостном равнодушии утоляла жажду кровью мучеников и наполняла живительным воздухом легкие тиранов; он воспел новые идеи, передав весь их восторг и смятение, он воспел дух, который в смущении и волнении перед бурями, рвущими его изнутри, вдруг восстает, чтобы достучаться до Небес во имя справедливости и свободы, и, даже пав в плаче отчаяния и боли, не признает воли Бога лишить его собственных прав. Воспеть дух в самом лоне России! Поэт должен был дорого запла-

⁹ Эмилио Кастелар-и-Риполь (Castelar y Ripoll; 1832–1899) — испанский историк, писатель, журналист и политик. С 1873 по 1874 г. — президент Первой республики. Был острым критиком государственного устройства России, постоянно обращаясь к русской теме в парламентских выступлениях, эссе, в книге «Современная Россия» (1881).

тить за это. Некоторые историки утверждают, что Пушкина перед ссылкой избивали розгами. Другие говорят, что его лишь выслали и заключили в удаленный монастырь. Там он был предоставлен сам себе. Страдание одинокого Титана, прикованного к скале Кавказа, стало его страданием». ¹⁰ Во взаимоотношениях Пушкина с Николаем I Кастелар видит исключительно театрализованно-трагедийную сторону, встраивая образы «поэта» и «властителя» в галерею подобных исторических персонажей: «Тиран больше не приказывает солдатам высечь его, он приказывает придворным развратить его. Известно, что во все времена тираны любили иметь при дворе гения: у Филиппа был Аристотель; у Августа — Вергилий; у Карла V — Гарсиласо; у Людовика XIV — Мольер; и Николай тоже хотел, чтобы у него был свой поэт, и выбрал Пушкина, который придал русскому языку невероятную пластичность и который, получив сокровище — идеи своего времени, принес их в жертву деспотизму». ¹¹ В образе русской словесности, особенно же в образе Пушкина, демократический пафос сочетался у Кастелара с отчетливым мелодраматизмом и духом сенсационности. Именно такова статья «Европейские сплетни» («Murmuraciones europeas»), опубликованная Кастеларом в одной из газет: «Жуткая драма с трагической развязкой пронеслась по всему миру и привлекла огромное внимание. Некий великий князь московский, военный высокого чина царских войск, кузен царя, только что был специальным указом отстранен от военных действий и отлучен от семьи Романовых. Какое преступление он совершил, чтобы заслужить такое наказание?» ¹² Речь в статье шла о великом князе Михаиле Михайловиче, внуке Николая I, влюбившемся в Софию Николаевну Меренберг, внучку А. С. Пушкина, и сочетавшемся с ней мorganатическим браком в 1891 г. «Самое интересное здесь для людей, увлекающихся литературой, это то, что совершенно случайно невеста оказалась дочкой великого русского поэта Пушкина. Поэтому весь мир теперь говорит о “московской” литературе и о ее первом выдающемся поэте. И, говоря о подобного рода материи, весь мир вспоминает, что роковой враг, как рок Антигоны, давит тяжелой тоской плечи дочери поэта, когда мать ее супруга кончает с собой из преклонения

¹⁰ Castelar E. El romanticismo ruso // La ilustración española y Americana (Madrid). Aco 18. 1874. № 13. 8 de abril. P. 199—200. Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

¹¹ Ibid. P. 199.

¹² Castelar E. Murmuraciones europeas // La ilustración artística: periódico semanal de literatura, artes y ciencias. 1891. Tomo 10. Aco 10. № 489. 11 de mayo. P. 290.

перед своей императорской семьей, а ее собственный отец убит на дуэли из-за ревности к ее матери. Трагедии жизни и реальности!»¹³ Кастелар допускает фактическую ошибку: ни одна из дочерей Пушкина не могла выйти замуж в 1891 г. в силу возраста. Вопрос только в том, намеренна ли эта ошибка или нет. Так или иначе, но Кастелар явно пользуется «сенсацией» для того, чтобы в этой же статье подробно рассказать о хорошо знакомом ему русском поэте Пушкине, частично повторяя тезисы своей предыдущей статьи от 1874 г. Более того, Кастелар переводит Пушкина из разряда героев, принесенных в жертву в угоду тиранам, в разряд живых людей, у которых есть семья, дети, внуки и обычная жизнь, тем самым делая поэта вполне реальным человеком.

Мнение Кастелара о Пушкине оказалось более чем авторитетным не только для Испании, но и для Италии,¹⁴ а позднее и для Латинской Америки.¹⁵ Безусловно, статьи Кастелара обсуждались и в Испании — как в политической, так и в литературной среде. В ближайший круг общения Кастелара входила, в частности, Эмилия Пардо Басан (Pardo Bazán; 1851—1921). В 1885 г. она читала курс лекций, материалы которого в 1887 г. были опубликованы в книге «Революция и роман в России» («La revolución y la novela en Rusia»),¹⁶ в которой Пушкину посвящен небольшой, но весьма показательный фрагмент. Интерес к русской литературе у Пардо Басан формировался под отчетливым воздействием опубликованной в 1886 г. книги Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» («Le Roman russe»), а произведения Пушкина она читала во французских переводах. Заметим, что и Кастелар некоторое время (1866—1868 гг.) жил во Франции, так что, скорее всего, также был знаком с французскими текстами произведений Пушкина и с книгой Вогюэ. «Первостепенное значение “Русского романа”, — отмечает С. Л. Фокин, — остающегося ценнейшим памятником истории литературы XIX века, складывается из двух движущих сил, побуждавших французского литератора представить своим собратьям по перу и просвещенным французским читателям живописную

¹³ Castelar E. Murmuraciones europeas. P. 290.

¹⁴ См.: Голубцова А. В. Пушкинский миф и национальная идентичность в Италии XIX века // Русская литература в зеркалах мировой культуры: Рецепция, переводы, интерпретации / Ред.-сост. М. Ф. Надъярных, В. В. Полонский; Отв. ред. А. Б. Куделин. М., 2015. С. 413—414.

¹⁵ Надъярных М. Ф. Культ русской литературы в Латинской Америке // Там же. С. 904—906.

¹⁶ Подробнее см.: Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982.

картину русской жизни и русской литературы. Во-первых, пути чужестранной литературы призваны были стать знаком, указывающим французской словесности на иные возможности развития <...> Во-вторых, «Русский роман» имеет исключительную историческую ценность в качестве единственного в своем роде свидетельства, в котором запечатлелся цельный взгляд на русскую литературу со стороны французского литературного сознания».¹⁷

Э. Пардо Басан, как и Кастелар, признает исключительную значимость творчества Пушкина для развития русской литературы. При этом Пушкин для Пардо Басан, как и для Вогюэ, в большой мере является «экзотическим» автором: явно вслед за Вогюэ испанская писательница обращает внимание на африканское происхождение русского поэта, дополняя, впрочем, этот мотив примечательной мифологизирующей аллюзией к классическому тексту Шекспира, со своей стороны формирующей образ нереального, но одновременно возвышенного трагического героя: «Александр Пушкин — полубог русской поэзии; в его жилах, смешанная со славянской, текла африканская кровь, ведь он был внуком абиссинца Абрама Ганнибала, из рода храброго Отелло, которому Петр Великий пожаловал чин генерала, женив его на придворной даме».¹⁸ Однако экзотизм в суждениях Пардо Басан размывается совершенно иными мотивами, опосредованно сближающими творчество Пушкина с теми идеалами восприятия народной традиции, которые были близки испанскому романтизму. Заметим, что в этом случае трагизм уступает место мелодраматизму: «Когда поэт был еще ребенком, старая няня, баюкая дитя, рассказывала ему легенды, народные сказки и небылицы, и это семя упало на благодатную почву. Не так важно то, что к 14 годам, покидая отчий дом и споря со своей семьей, он уже был настоящим вольтерьянцем, что его лицейский преподаватель, идейный брат Марата, внушил ему модный тогда поверхностный атеизм, что его ранняя искушенность заставила его педагогов поверить, что этот необыкновенный пылкий юноша утомлен и телом, и душой; все это не слишком важно, ведь если в том возникала нужда, Пушкин вспоминал о том, что ему рассказывала старая няня, и его безупречное эстетическое чутье помогало ему воспринять силу народной традиции».¹⁹ При том, что Пардо Басан несомненно счи-

¹⁷ Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб., 2013. С. 35.

¹⁸ Pardo Bazán E. La revolución y la novella en Rusia: (Lecturas en el Ateneo de Madrid). Madrid, 1887. P. 243.

¹⁹ Ibid. P. 243–244.

тает Пушкина поэтом-романтиком, в то же время она признает и потенциальную полистилистику пушкинских произведений: «Было бы несправедливо считать его исключительно подражателем зарубежных романтиков; кроме того, некоторые полагают, что из-за оживленности и страстности его натуры автор “Евгения Онегина” одной ногой всегда стоит на почве классицизма, в эллинском понимании этого слова, и что если бы он остался жив, его талант подвергся бы изменениям, проявив себя в романе и создании национального театра».²⁰

Период с конца 1840-х до 1880-х гг. является временем, когда начинает складываться первичный образ Пушкина в Испании. Для испаноязычного читателя Пушкин — это поэт-романтик, певец свободы и духа времени, мученик, пострадавший за свои идеи. Характерно, что романтизации и мелодраматизации (эти черты проявляются в том числе в стиле работ Каstellара и Пардо Басан) подвергается биография поэта, чему естественным образом соответствуют избираемые для переводов тексты. Взаимодействие биографического и собственно текстуального способствует формированию и закреплению романтической линии восприятия Пушкина, которая впоследствии превращается в некий стереотип и остается главенствующей на протяжении следующих периодов, вплоть до сегодняшнего дня.

²⁰ *Pardo Bazán E.* La revolución y la novella en Rusia. P. 252—253.